

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Рабочее совещание

«Взаимодействие языков малочисленных народов РФ с русским языком»

7–8 ноября 2011 года в Институте лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) прошло рабочее совещание «Взаимодействие языков малочисленных народов РФ с русским языком», организованное отделом языков народов России ИЛИ РАН.

На совещании было представлено 14 докладов, посвященных описанию контактных явлений в конкретных языках при взаимодействии с русским. Контактные явления рассматривались на уровне лексики, синтаксиса, фонетики и морфологии.

И.А. Муравьева (Москва) в докладе «Типы русских вкраплений в речи алыторцев» показала, что в речи носителей алыторского языка регулярно встречаются заимствования из русского языка и случаи переключения кодов. Наиболее часто употребляются русские слова и словосочетания, служащие для связи предложений в тексте (например, *а, и, еще, а потом* и др.). Иногда в алыторской речи используются значимые слова или целые клаузы на русском языке. Русские заимствования подвергаются фонетической ассимиляции и получают алыторские грамматические показатели. Докладчица отметила, что, несмотря на довольно большое число русских заимствований и вкраплений, грамматический строй алыторского языка не подвергается существенным изменениям.

М.Ю. Пупынина (Санкт-Петербург) рассмотрела случаи переключения кодов на материале одного записанного разговора между двумя носительницами чукотского языка. Пользуясь терминологией П. Майскена, она охарактеризовала стратегию смешения кодов как альтернацию (переключение с одного языка на другой) и в некоторых случаях инсерцию (вкрапление в речь на базовом языке материала второго языка). При этом конгруэнтная лексикализация (появление новых грамматических структур в результате взаимодействия

грамматических систем двух языков) в материале не представлена. Русские вкрапления в чукотскую речь (существительные, наречия и дейктические слова) – наиболее частотный вид смешения. В русских высказываниях также встречаются чукотские вкрапления (наречия и дейктические частицы). Ни в том, ни в другом случае эти вкрапления не подвергаются никаким изменениям.

В.В. Баранова (Санкт-Петербург) в своем докладе подробно описала характерные черты взаимодействия русского и калмыцкого языков. Было отмечено, что интерференция и переключение кодов присутствуют у всех носителей, а заимствования из русского получают соответствующее грамматическое оформление в калмыцкой речи. При этом заимствования и переключения кодов чаще всего мотивированы (например, отсутствием в калмыцком языке слова, обозначающего понятие, которое хочет выразить говорящий). Автор также обратила внимание на глагольную конструкцию, возникшую в результате смешения кодов и обладающую специфическими грамматическими свойствами: сочетание русского инфинитива с личной формой калмыцкого глагола *ke-* ‘делать’.

Доклад С.А. Оскольской (Санкт-Петербург) и Н.М. Стойновой (Москва) был посвящен частной проблеме – формам заимствований на *-la* в нанайском языке (ср. заимствованный из русского глагол *popalarə* в форме деепричастия). В центре внимания оказалась проблема интерпретации суффикса *-la* в подобных примерах как части формы русского прошедшего времени или как нанайского продуктивного вербализатора, адаптирующего русскую глагольную основу к нанайской грамматике. Рассмотрев фонологические, морфологические и синтаксические свойства глагольных форм на *-la*, авторы пришли к выводу о том, что на синхронном уровне эти формы, образованные от русских слов, поддерживаются в речи носителей-билингвов одновременно

наличием в нанайском языке словообразовательного показателя *-la* и наличием в русском языке формально омонимичного суффикса прошедшего времени. Кроме того, в докладе была затронута проблема противопоставления заимствования и переключения кодов: были продемонстрированы промежуточные примеры, в которых русские слова еще не достаточно встроены в грамматическую структуру нанайского предложения, чтобы считаться заимствованиями, но в то же время уже потеряли часть изначальных грамматических свойств.

Вопрос о критериях разграничения переключения кодов и смешения кодов, переключения кодов и заимствования ставился во многих докладах. Так, доклад А.А. Мальцевой (Новосибирск) был посвящен проблеме разграничения вкраплений (как частного случая переключения кодов) и заимствований. На материале алюторского и корякского языков Алла Александровна показала, что заимствование противопоставлено вкраплению по морфологическим признакам. Что касается фонетического освоения, то оно возможно в обоих случаях. Заимствования и вкрапления различаются также по своим функциям: если заимствование обычно восполняет лексическую лакуну, то вкрапление используется при наличии дополнительных прагматических интенций говорящего.

В докладе «Тофаларско-русское переключение кодов в селе Нерха» А.А. Сюрюни и М.З. Муслимов (Санкт-Петербург) рассмотрели проблему разграничения заимствования и переключения кодов. Поскольку их материал демонстрирует разную степень адаптации русских лексем в тофаларском тексте (ср., например, *фуфайк-уи фуфайка-сын* 'фуфайка-POSS3. ACC', встречающиеся в одном тексте), а морфологическая адаптация слабо коррелирует с фонологической адаптацией, они предложили, вслед за К. Майерс-Скоттон и С. Ромейн, считать заимствованиями только полностью интегрированные лексемы. Авторы также отметили случаи двойного маркирования множественного числа, как в слове *тувинц-ы-лер*, в котором присутствуют как русский (*-ы*), так и тофаларский (*-лер*) показатели множественного числа. Авторы обратили внимание и на то, что тофаларские глагольные корни могут оформляться русскими показателями, в том числе и словообразовательными аффиксами, что нарушает ограничение на «системные морфемы» К. Майерс-Скоттон.

Доклад О.А. Казакевич (Москва) был посвящен кодовым переключениям в речи селькупско-русских, кетско-русских и эвенкийско-русских билингвов. Ольга Анатольевна рассмотрела проблему разграничения переключе-

чения и смешения кодов, переключения кодов и заимствований. Автор обсудила на представленном материале гипотезу К. Майерс-Скоттон о диагностической силе некоторых структурных типов кодовых переключений для определения стадии процесса языкового сдвига.

Проблема разграничения случаев переключения и смешения кодов рассматривалась также в докладе А.Ю. Русакова (Санкт-Петербург). Автор поставил вопрос о том, чем вызваны сложности с разграничением этих двух явлений в севернорусском диалекте цыганского языка: наличием континуума, на противоположных концах которого находятся переключение кодов и смешение кодов, или недостаточной исследованностью данных явлений. Александр Юрьевич рассмотрел проблему разграничения смешения кодов и заимствований и показал, что невозможно определить, является ли слово заимствованием или представляет собой случай смешения кодов только по степени адаптированности этого слова (так, неадаптированный глагол *ездить* в цыганской речи по своим свойствам, тем не менее, приближается к заимствованиям).

В докладе «Переключение кодов в Ингерманландии: водский/русский, ижорский/русский, финский/русский» М.З. Муслимов (Санкт-Петербург) описал некоторые структурные особенности речи ингерманландцев, также затронув проблему разграничения заимствований и переключения кодов. В центре внимания оказались случаи переключения кодов внутри клаузы. Автор отметил, что во всех трех парах языков стратегия переключения кодов при вставке именной группы отличается от стратегии переключения при вставке глагола. Кроме того, докладчик привел контрпримеры для ограничений, сформулированных Ш. Поплак и К. Майерс-Скоттон для переключения кодов.

Доклад «Макро- и микроуровни переключения кодов в речи ингерманландцев в Сибири: "Vot gadaj mikä ono"» Д.В. Сидоркевич (Санкт-Петербург) также был посвящен проблеме статуса контактных явлений. Дарья Викторовна выделила микро- и макроуровни переключения кодов: первый относится к лексическому и морфологическому аспектам контактных явлений, второй – к синтаксическому, морфонологическому, фонологическому и просодическому аспектам. Предлагаемый автором подход к описанию контактных явлений в речи ингерманландцев позволяет избежать необходимости определять статус этих явлений (т. е. определять, являются ли они заимствованиями или переключениями кодов).

Л. Лейсё (Финляндия) представила доклад «Типология переключения кодов

на примере контакта русского с финским и с нганасанским». Она рассмотрела модели переключения кодов на примере двух обществ: русскоязычных старожилов Финляндии и нганасан. В своем анализе автор отталкивалась от динамического континуума языковых контактов П. Ауэра: переключение кодов → смешение языковых элементов → слияние языковых элементов. При этом она показывает, что даже в речи одного носителя можно обнаружить все три стадии континуума.

Доклад Ю.Е. Г а л я м и н о й (Москва) был посвящен психолингвистическим, социолингвистическим и коммуникативным аспектам кодовых переключений и смешения кодов. На материале эвенкийского и кетского языков автор показала, что кодовые переключения могут иметь разную психолингвистическую природу. Так, инсерция может быть вызвана отсутствием соответствующей лексемы в матричном языке или языковой некомпетентностью носителя. При этом в первом случае носитель мыслит, скорее, на матричном языке, а во втором – на «вставном» языке (в данном случае – на русском). Автор также отметила, что информанты иногда думают одновременно на двух языках. На основании кетских текстов разных периодов автор продемонстрировала, как социолингвистические факторы проявляются в структурных свойствах текстов, отражающих разные стадии развития билингвизма.

В двух докладах рассматривались смешанные языки. Доклад Е.В. Головки (Санкт-Петербург) «В поисках чистого смешанного языка» был посвящен медновскому языку, возникшему в результате смешения русского и

алеутского языков. Этот смешанный язык подвергался затем длительному влиянию русского и сейчас находится на грани исчезновения. Евгений Васильевич представил проанализированный материал, полученный от двуязычного носителя медновского и русского языков, который в своей речи старался максимально избегать «смешения».

Доклад А.Ю. Урманчевой (Москва) был посвящен структурному смешению языков: в нем подробно рассматривались некоторые грамматические особенности *говорки* – идиома, бытующего на Таймыре. По мнению автора, говорка появилась в результате смешения таймырского пиджина и русского языка, стала креольским языком, а позже подверглась вторичной пиджинизации. В докладе также обсуждалась проблема определения понятий «пиджин» и «смешанный язык» на основании сравнения говорки с медновским смешанным языком.

Таким образом, на рабочем совещании был представлен материал, отражающий закономерности взаимодействия языков народов России с русским языком; рассматривались как структурные, так и социолингвистические и психолингвистические аспекты переключения и смешения кодов; обсуждалась проблема разграничения переключения кодов и заимствования, переключения кодов и смешения кодов. Во многих докладах была предпринята попытка применить существующие теоретические подходы к переключению кодов (подходы К. Майерс-Скоттон, Ш. Поплак, П. Майскена, П. Ауэра и др.).

С.А. Оскольская

Сведения об авторе:

Софья Алексеевна Оскольская
Институт лингвистических исследований РАН
sonypolik@mail.ru